

ОТЗЫВ
о диссертации Петрова Дмитрия Дмитриевича
«Сакральная география восточных районов Архангельской области»,
представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по
специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Представленная на рассмотрение диссертация Д.Д. Петрова – яркое и отрадное свидетельство того, что в предметном поле современного отечественного социогуманитарного, и в частности, антропологического знания актуализируется такое относительно молодое междисциплинарное научное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную деятельность, как гуманитарная география и его векторы: ментальное картирование, изучение и проектирование историко-культурных ландшафтов и сакральная география, брендинг территорий, осмысление и формирование этно-территориальной идентичности и т.п.

Знакомя читателя с историей и современным бытованием религиозных практик населения Русского Севера в лучших традициях истории повседневности, диссертант последовательно, отстраненно-академично, без малейшей рефлексии и автоэтнографии анализирует сакральные объекты востока Архангельской области: часовни, обетные кресты и крестовые группы, почитаемые природные святыни, «нечистые места», объединяя их в Приложении 3 (С.131) в сакральные комплексы. Именно эти ключевые объекты сакральной географии изучаемых автором районов Русского Севера определили логичную структуру работы: после введения, в котором автор приводит обзоры источников и историографии, обсуждает теоретико-методологическую базу исследования, характеризует изучаемый регион, текст разбит на четыре главы, посвященные, соответственно часовням, монументальным крестам, природным святыням, «нечистым местам». Подчеркивая, что между народной и институциональной религией (в данном случае – Русской Православной церковью) отсутствует строгая граница в изучаемой сфере, автор, тем не менее, сосредотачивается в тексте диссертации именно на ландшафте народных сакральных мест (С.5), настаивая на «самоорганизованном» характере их почитания, которое зарождается без посредничества официальной церкви и продолжается вне тесной и постоянной связи с каноническими ритуальными практиками. Замечу здесь, что, возможно, тема диссертационного исследования, в таком случае, вероятно, нуждается в уточняющем подзаголовке.

Изучая, описывая и анализируя конкретные, существующие ныне объекты сакрального ландшафта северорусских деревень, автор не замыкается в границах Лешуконского, Мезенского и Пинежского районов Архангельской области. В соответствии с поставленными задачами в фокусе его внимания не только полевые данные и архивные сведения, но осмысление таких аспектов духовной жизни, как обет и вотивные практики, этнокультурные параллели и типология, проницаемость функциональных границ в почитании обетных крестов и других народных святынь, специфические свойства таких малоизученных объектов, как «нечистые места». Д.Д. Петров, таким образом, предлагает в своей квалификационной работе не только фиксацию современного состояния народного сакрального ландшафта изучаемых районов – что ценно само по себе, но и некую, возможно, нуждающуюся в уточнении, методологическую схему изучения сакральной географии Русского Севера.

Необходимо отдать должное диссертанту – его попытка выявления современной структуры сакрального ландшафта Русского Севера в указанных территориально-хронологических рамках, изучения различных аспектов почитания составляющих его объектов и лежащих в его основе верований, определить роль народного православия в формировании сакрального ландшафта востока Архангельской области, причем роль в развитии и динамике, выглядит достаточно убедительно. Актуальность подобной работы,

ее научная и практическая значимость не вызывает сомнений. До сих пор в отечественной исторической науке не было комплексного осмысления народной сакральной географии востока Архангельской области (особенно Лешуконья), т.е. данное диссертационное исследование имеет все признаки научной новизны. В научный оборот введены не публиковавшиеся ранее полевые материалы Лешуконского, Мезенского и Пинежского района Архангельской области, в том числе посвященные малоизученным природным святыням (Козьмин борок, Бабушкин пеня и др.), интересным аспектам современных религиозных практик сельского населения европейской части России – той самой «самобытной социокультурной группы», которую автор считает объектом своего изучения. Одним из практических результатов диссертационного исследования стало картографирование «Святых мест русского Повашья» на основе топографической карты Архангельской области (С.129-130, прил. 2).

О серьезности научных намерений диссертанта и уважении к труду коллег свидетельствуют и обширный общий историографический обзор, и скрупулезное штудирование трудов современных религиоведов, фольклористов, топонимистов, этнологов, краеведов, историков повседневности, отраженное в кратких тематических обзорах литературы в начале каждой главы.

Вместе с тем текст вызывает значительный ряд вопросов и пожеланий, что также может косвенно свидетельствовать о доброкачественности научного труда: хорошее исследование призвано будить мысль, не правда ли? Упомянем лишь некоторые:

Итак, во-первых, при дальнейшей работе с текстом, возможно, при подготовке его к публикации, следует сузить тему в соответствии с рассмотренными автором сюжетами и уточнить соотношение объекта и предмета исследования. Другой вариант – включить в исследование по неясным причинам исключенные из него объекты как «институализированной» сакральной географии (церкви, монастыри), так и не рассмотренные автором другие ритуальные объекты – кладбища с родительскими / почитаемыми могилами, места гибели (например, особым образом отмеченные места ДТП). Кроме того, роль «самоорганизованной» народной религии в формировании сакрального ландшафта практически невозможно выявить, не исследуя, качественно и количественно, многочисленные разновекторные связи, пронизывающие духовную жизнь Русского Севера (паломнические потоки, отправление треб, участие в богослужениях – посещение народных святынь, деревня – город и т.п.). Явно не хватает интервью с местным немногочисленным клиром, а также выходцами из изученных сельских населенных пунктов – новыми горожанами.

Во-вторых, несмотря на наличие подраздела о теоретико-методологической базе, читателю приходится только догадываться о методологической «кухне» диссертанта (не даны вопросы информантам и guide структурных тематических интервью – они же были?, не ясна общая картина сбора полевой информации), что заставляет читателя предполагать худшее: у автора и не было четкой верифицируемой схемы исследования, а диссертация появилась потому, что в ходе большой экспедиции случайно был собран интересный полевой материал – не пропадать же. Избежать подобных вопросов можно, знакомя любопытного читателя с программой исследования в специальном разделе или приложении. Подобная схема не только систематизирует исследование, но и может оказаться очень полезной тем, кто только планирует свое исследование сакральной географии. Заодно желательно не допускать небрежности в опубликованном списке информантов автора – у многих не указан год рождения и даже приблизительный возраст, информанты из деревни Резя и вовсе проходят как неопознанные под предлогом того, что интервью было коллективным (!).

В-третьих, диссертант с поистине гуманитарной щедростью обращается со статистикой: в автореферате не сообщается выборка, да и в самом тексте диссертации количество опрошенных информантов можно выяснить только, самостоятельно пересчитав информантов в приложении 1. Соответственно, желательно избегать

выражений «большинство информантов», ведь сколько составляет это большинство (двое из троих, сто из ста десяти) можно только догадываться. Кроме того, сентенции о том, что с пожилыми женщинами проще говорить о духовной стороне жизни, поэтому автор говорил в основном с ними, также остаются только личным опытом диссертанта. Это немного подтачивает доверие к выводам, заставляя предполагать гендерную специфику религиозных практик, в том числе их трансляции и самовоспроизводства, и сакрального ландшафта в целом, что в выводах отражено недостаточно.

В-четвертых, не вполне убедительной получилась религиозная палитра изучаемого региона. Автор упоминает «безбожника», поставившего обетный крест, но, вероятно, помимо православного «большинства», здесь проживают представители иных конфессий и деноминаций, последователи новых религиозных учений. Было бы интересно выяснить их отношение к сакральному ландшафту.

В-пятых, исследование сакрального ландшафта предполагает значительное количество картографической информации и широкий иллюстративный ряд (например, календарный цикл почитания сакральных комплексов). В диссертации же эта инфографика сведена к минимуму. Нет информации, проводились ли в поле автором исследования с информантами по проективному ментальному картированию, рисованию и анализу карт-схем святых и нечистых мест и т.п.

В-шестых, требует уточнения пассаж о практической значимости работы.

Большинство замечаний носит рекомендательный характер и в целом не снижает положительного впечатления о работе, научной значимости исследования.

Широкий круг источников, привлеченных автором (собственные полевые материалы, экспедиционные материалы коллег, архивные данные), а также продуманный и тщательный отбор материала, позволил убедительно решить поставленные исследовательские задачи и достичь заявленных в работе главных целей исследования на примере изучения народного сакрального ландшафта трех районов Архангельской области. Основные положения, выносимые на защиту, выводы, сделанные автором, вполне убедительны и корректны. Отдельные положения диссертационного исследования были опубликованы автором в виде статей, обсуждены с коллегами в ходе конференций и научных форумов. Отмечу также безукоризненность языка, стиля и оформления автореферата диссертации, что свидетельствует о внимании диссертанта к деталям, осознании значимости научного труда, уважения к объекту исследования.

Таким образом, можно констатировать, что диссертация «Сакральная география восточных районов Архангельской области» Д.Д. Петрова является квалификационной работой и по своему содержанию, актуальности и научной новизне, объему проведенного исследования соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. №842, а ее автор Дмитрий Дмитриевич Петров заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

Докт. истор. наук, зав. кафедрой международного
(поликультурного) образования и интеграции детей
мигрантов в школе (в статусе ЮНЕСКО)
факультета международного образования
ГАОУ ВО г. Москвы «Московский институт
открытого образования»

А.А. Шевцова

Шевцова А.А.
Подпись Шевцова А.А. заверяю:
Нач. управления кадров МОО *Толкуева А.Ю.*